ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 14 Пятница, 22 апрѣля (5 мая) 1905 г. № 14

Печать и печатное дѣло.

Пиши, говори, кричи всякій, у кого есть хоть сколько-нибудь безкорыстной любви къ отечеству, къ добру и истинѣ.

В. Бѣлинскій.

Нѣсколько словъ, вмѣсто вступленія. — Цензура и транспаранты.—Запретныя слова и вольныя мысли. —Цензура и полиція.—Законы о типографіяхъ.—Законъ и административное усмотрѣніе. — Мертвыя правила.—Система штрафовъ. — Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ.—Новая эра и старые грѣхи.—Цензура вѣнковъ и врагъ администраціи.

I.

Севастопольскій погромъ вывелъ изъ летаргіи русское общество и показалъ всю несостоятельность стараго режима репрессалій и обскурантизма. Омертвѣвшій государственный организмъ началъ возрождаться. Послѣ продолжительной и суровой зимы наступила весна. На престолъ вступилъ Императоръ Александръ II, и съ нимъ взошла заря новой жизни, разсвѣтъ русской мысли. За освобожденіемъ крестьянъ слѣдовали: гласное судопроизводство, измѣненіе законовъ о печати и земскія учрежденія.

Но недолго продолжалась весна, наступило петербургское лѣто. Опять подули суровые вѣтры, и роскошные всходы не принесли ожидаемыхъ плодовъ.

Прежде чѣмъ приступить къ систематическому изложенію фактовъ, очевидцемъ которыхъ я былъ втеченіе моей двадцатилѣтней службы въ должностяхъ, сначала младшаго, а затѣмъ старшаго инспектора по надзору за типографіями, литографіями и книжною торговлею въ С.-Петербургѣ, позволю себѣ отклониться немного въ сторону и разъяснить мою аллегорію о веснѣ и петербургскомъ лѣтѣ.

До 1865 года ничего, кромѣ визитныхъ карточекъ, не дозволялось печатать безъ предварительнаго разрѣшенія цензуры. Даже на транспарантахъ имѣлась формула: „печатать дозволяется". Новымъ закономъ (1865 г.) послѣдовало разрѣшеніе печатать безъ предварительной цензуры: періодическія изданія (журналы и газеты) и сочиненія: оригинальныя — не менѣе десяти печатныхъ листовъ и переводныя—не менѣе двадцати листовъ. Послѣднія изданія, по окончательномъ отпечатаніи всего заказаннаго числа экземпляровъ, должны были, однако, пройти цензуру, которая, если и находила изданіе вреднымъ, то не могла уже своею собственною властью запретить или измѣнить смыслъ сочиненія, а обязана была предать автора суду (безъ участія присяжныхъ).

Это былъ уже робкій шагъ къ свободѣ печатнаго слова.

Цѣнителемъ и критикомъ сочиненія являлись не пресловутый цензоръ Красовскій, запретившій употреблять въ поваренной книгѣ слова „вольный духъ" (въ печкѣ), не цензоръ-кавалеристъ (встрѣчались и такіе), который зачеркивалъ слова „соціальный" и „соціализмъ" [1]), а судьи — люди съ высшимъ

[1]) Предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета С. И. Коссовичъ неоднократно говорилъ мнѣ, что ему часто приходилось, по жалобамъ авторовъ на цензоровъ, перечитывать вновь рукописи и разрѣшать къ печати, такъ какъ въ нихъ ничего не было противозаконнаго. Онъ же разсказалъ мнѣ о цензорѣ, который не пропускалъ помянутыя слова.

Какъ на Руси разговляются:
1) Петербургскіе дворники. 2) Въ народной чайной. 3) Среди интеллигентовъ. 4) Въ купеческой семьѣ.
Оригинальный рисунокъ художника „Биржевыхъ Вѣдомостей" П. Ассатурова.

юридическимъ образованіемъ. Самое же существенное это то, что сочиненіе разсматривалось гласно, и авторъ имѣлъ возможность защищать свою мысль, тогда какъ въ былое время онъ подчинялся лишь волѣ одного лица—цензора, который, въ силу дарованной ему власти, могъ творить все, что только ни приходило ему на умъ.

Нерѣдко случалось, что прокуроръ, не находя повода къ обвиненію автора или издателя, не вчинялъ судебнаго преслѣдованія и отказывалъ въ просьбѣ цензурнаго вѣдомства.

Издатели книги „Жанъ Маратъ, другъ народа“, сочиненіе Верморели,—г.г. Гридинъ и Рождественскій,—сообщили мнѣ, что изданная ими названная книга была задержана цензурнымъ вѣдомствомъ. Противъ издателей было возбуждено судебное преслѣдованіе черезъ прокурора судебной палаты. Однако, прокуроръ отказался отъ обвиненія, такъ какъ находилъ, что книга эта есть не что иное, какъ собраніе историческихъ характеристикъ, относящихся къ давно прошедшему времени и не имѣющихъ никакого отношенія къ Россіи. Несмотря на это, сочиненіе все-таки не было выпущено въ свѣтъ, и цензурное вѣдомство испросило черезъ министра внутреннихъ дѣлъ Высочайшее разрѣшеніе на уничтоженіе книги.

И этотъ законъ былъ отмѣненъ въ 1872 г. Новымъ узаконеніемъ упомянутыя изданія стали уже разсматриваться не судомъ, гласно, а комитетомъ министровъ, коллегіально. Цензурный комитетъ, если находилъ, что представленное сочиненіе неудобно къ выпуску въ свѣтъ, доводилъ о томъ до свѣдѣнія главнаго управленія по дѣламъ печати; послѣднее же представляло сочиненіе на разсмотрѣніе комитета министровъ.

Правительство круто измѣнило систему дѣйствій въ дѣлахъ печати.

2.

Въ 1862 году главное управленіе цензуры было упразднено. 8-го марта Высочайше было повелѣно составить комиссію для пересмотра законовъ по дѣламъ книгопечатанія, но только въ 1865 году новый проектъ устава былъ представленъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ государственный совѣтъ, мнѣніе котораго и было Высочайше утверждено 6-го апрѣля.

Изъ этого видно, что комиссія занималась составленіемъ новаго устава книгопечатанія цѣлыхъ три года. Составились томы записокъ, проектовъ, журналовъ и проч.

Изъ упомянутыхъ журналовъ комиссіи видно, что большинство членовъ склонялось къ широкой свободѣ печатнаго слова.

Однако, мнѣніе меньшинства взяло верхъ, и у насъ были введены французскіе законы о печати, изданные Наполеономъ III, съ весьма, впрочемъ, малыми исключеніями. Напримѣръ, ст. 49-ой (проектъ уст. о книгопеч.), обязывающей имѣть шнуровыя книги для записыванія работъ, по которымъ инспекторы должны были производить ревизіи, предшествовало объясненіе комиссіи: „подобныя шнуровыя книги типографіи обязаны имѣть во Франціи. При введеніи ихъ въ наше законодательство о книгопечатаніи необходимо, однако, повѣрку этихъ книгъ предоставить не обыкновеннымъ полицейскимъ чиновникамъ, какъ это дѣлается во Франціи, что повело бы у насъ къ разнаго рода стѣсненіямъ типографскаго ремесла, но особымъ лицамъ, получившимъ высшее образованіе“ [1]).

Точно также, къ статьѣ объ обязательномъ введеніи шнуровыхъ книгъ въ заведеніяхъ, производящихъ принадлежности тисненія, комиссія высказала, что (стр. 127) во Франціи повѣрка шнуровыхъ книгъ возложена на полицейскихъ чиновниковъ. У насъ было болѣе удобно контроль за сбытомъ принадлежностей тисненія поручить лицамъ, наблюдающимъ вообще за тисненіемъ въ типографіяхъ потому, что особые контролеры по дѣламъ книгопечатанія, избираемые изъ лицъ довѣренныхъ, представляютъ болѣе ручательства, чѣмъ обыкновенные полицейскіе чиновники, въ томъ, что надзоръ будетъ производимъ въ законныхъ предѣлахъ, съ огражденіемъ интересовъ общественныхъ и частныхъ и безъ стѣсненія промышленной дѣятельности лицъ, занимающихся производствомъ, или продажею принадлежностей тисненія [1]).

Вообще же, при введеніи новаго устава комиссія обращала особое вниманіе на то, чтобы не принималось, безъ надобностей, стѣснительныхъ и крутыхъ мѣръ, могущихъ подорвать книгопродавческую и типографскую дѣятельность.

„Стѣснительныя и ограничивающія мѣры справедливо употреблять только тамъ, гдѣ обнаружится дѣйствительное зло, но ни въ какомъ случаѣ онѣ не должны падать прежде временни своею тяжестью на такихъ лицъ, которыя не подали еще къ тому повода“ [2]).

3.

Правительство, сдѣлавъ коренныя измѣненія въ уставѣ, касающемся періодическихъ изданій, оставило, однако, въ силѣ законъ о типографіяхъ, изданный 16 сент. 1796 г. По этому закону, типографіи могутъ открываться только съ разрѣшенія мѣстной администраціи — генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ, которые, въ силу дискреціонной власти, обязаны не допускать въ эту промышленность неблагонадежныхъ элементовъ.

Въ 1796 году, вслѣдствіе совершившихся въ Европѣ событій, вызванныхъ французской революціей, правительство наше сочло необходимымъ принять мѣры для предупрежденія злоупотребленій со стороны заведеній печати, и въ этихъ соображеніяхъ: 1) упразднены вольныя типографіи, 2) разрѣшено открывать казенныя типографіи во всѣхъ губернскихъ городахъ и 3) учреждены цензоры, на коихъ возложены просмотръ и разрѣшеніе къ печати книгъ, а также просмотръ привозимыхъ изъ-за-границы изданій.

Какъ давались разрѣшенія, кому, какими трудностями и непріятностями сопровождались ходатайства объ открытіи заведеній печати, будетъ изложено далѣе. Скажу только, что ни одна отрасль промышленности не была стѣснена такъ, какъ типографская.[3]) Напримѣръ, для рабочихъ заведеній печати были установлены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ 1867 году, такія правила: 1) ни одинъ изъ рабочихъ (наборщики, печатники, ученики и проч.) не имѣли права поступать въ типографіи и литографіи безъ установленнаго билета, который выдавался инспекторомъ, 2) содержатели типографій и литографій обязаны были: а) о поступленіи рабочаго въ заведеніе и выбытіи его, въ то же время, отмѣчать на билетѣ, и б) о каждомъ вновь принятомъ въ ихъ заведеніе, отпущенномъ, или уволенномъ изъ онаго съ билетомъ рабочемъ поставить въ извѣстность мѣстнаго инспектора, не позже сутокъ съ принятія или увольненія рабочаго.

Сначала эти правила исполнялись аккуратно, но съ теченіемъ времени ихъ стали игнорировать сами же инспектора, такъ какъ имъ же приходилось вести алфавитные списки и дѣлать ежедневно помѣтки о переходѣ рабочихъ. Когда я принялъ должность инспектора, въ 1881 году, статья 2 правилъ уже почти не исполнялась, но рабочіе, попрежнему, принимались только съ билетами.

Въ 1885 году изложенныя правила были вновь установлены, о чемъ и было объявлено типографіямъ приказомъ градоначальника 20-го февраля 1885 года, причемъ, на основаніи положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, виновнымъ въ исполненіи этихъ правилъ грозило уже взысканіе до 500 рублей, или арестъ до 3 мѣсяцевъ.

Въ особенности же крутыя и жестокія мѣры функціонировали, болѣе всего, во время управленія столицею градоначальникомъ генераломъ Грессеромъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ слова терроръ.

Въ его время законы о печати игнорировались, а мѣсто закона занялъ произволъ. За проступки, которые не были даже предусмотрѣны уложеніемъ о наказаніяхъ, а могли быть только подведены къ проступкамъ, карающимся по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, какъ, напримѣръ, за напечатаніе торговыхъ объявленій безъ разрѣшенія полиціи, за которое судья налагалъ взысканіе не болѣе 5 рублей, генералъ Грессеръ пользуясь положеніемъ объ усиленной охранѣ, подвергалъ штрафу отъ 100 до 500 р.

Типографъ Буссель, напечатавшій только перечень однѣхъ фамилій нѣсколькихъ лицъ, которыхъ одна думская партія предполагала провести въ гласные, былъ подвергнутъ помянутымъ градоначальникомъ штрафу въ 100 рублей.

Но обо всемъ этомъ будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ, съ указаніемъ фактическихъ данныхъ, которыя разбросаны въ приказахъ, помѣщенныхъ въ „Вѣдомостяхъ Градоначальства“ и печатныхъ циркулярахъ, разсылаемыхъ, оффиціально, по типографіямъ. Сборникъ этихъ циркуляровъ былъ составленъ мною и изданъ отдѣльною книгою въ 1897 г.

4.

Инспекторскій институтъ по надзору за заведеніями печати и книжною торговлею учрежденъ 19 августа 1865 г. (указъ сената). Инспектора подчинялись генералъ-губернаторамъ, которыми и назначались по соглашенію съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати. Сначала названный институтъ былъ учрежденъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, а позднѣе были назначены отдѣльные инспекторы въ Варшавѣ, Одессѣ, Вильнѣ, Кіевѣ и Ригѣ. Обязанности инспекторовъ въ прочихъ городахъ исполняютъ чиновники особыхъ порученій, состоящіе при губернаторахъ.

Въ маѣ 1866 года должность генералъ-губернатора въ Петербургѣ была упразднена, и инспектора были подчинены оберъ-полицеймейстеру, не взирая на то, что правительственная комиссія, въ проектѣ устава о книгопечатаніи, высказала свое мнѣніе, чтобы инспектора были подчинены именно генералъ-губернатору „такъ какъ положеніе ихъ должно быть самостоятельно и повышено“ (проектъ уст., ст. 89). Должность старшаго

---

[1]) Читатель узнаетъ далѣе, какія лица занимали эти должности и подъ какимъ гнетомъ очутились заведенія печати.

[1]) Не высокаго же мнѣнія была правительственная комиссія о нашей полиціи. Предполагала-ли комиссія, что черезъ нѣсколько лѣтъ типографская промышленность будетъ всецѣло зависѣть отъ воли квартальнаго, отъ котораго комиссія такъ ревниво ее оберегала.

[2]) „Юридическая Газета“, 1896 года № 72.

[3]) Это стѣсненіе явилось послѣ закона (1783 г.) екатерининскаго царствованія, объявлявшаго свободу открытія типографскихъ заведеній. Прим. редакціи.

инспектора въ V классѣ, а младшихъ въ VI. Жалованье же инспектора и по настоящее время, состоя при градоначальникѣ, получают изъ суммъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

Въ виду послѣдовавшаго подчиненія инспекціи оберъ-полицеймейстеру, весь составъ, за исключеніемъ старшаго инспектора, генерала Чебыкина (¹), вышелъ въ отставку.

Началась новая эра, и типографская промышленность въ Петербургѣ снова подпала подъ вліяніе полиціи, отъ которой ее такъ ревниво оберегала коммиссія по дѣламъ книгопечатанія.

Инспектора типографій новымъ распоряженіемъ подчинялись оберъ-полицеймейстеру. Но, въ силу закона, послѣдній могъ назначать названныхъ лицъ только по соглашенію съ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати и, конечно, не имѣлъ права увольнять ихъ по собственной волѣ. Нерѣдко случалось, что главное управленіе по дѣламъ печати отклоняло предлагаемыхъ градоначальникомъ кандидатовъ, но это нисколько не мѣшало градоначальникамъ проводить на мѣста такихъ лицъ, дѣятельность которыхъ не всегда была безупречна.

Порядокъ производства инспекторами надзора за заведеніями печати и книжною торговлею опредѣлялся особой инструкціей, выработанной главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, сообразно требованіямъ цензурнаго устава. Нѣкоторые же изъ градоначальниковъ игнорировали сказанную инструкцію и, вопреки закону, не только не слѣдили за точнымъ ея выполненіемъ, а напротивъ, давали такія порученія, которыя совершенно не касались прямыхъ обязанностей инспекторовъ.

Въ особенности отличался этимъ генералъ Грессеръ. Послѣдній, напримѣръ, не довѣряя приставу того участка, гдѣ находился музей Винтера (Пассажъ), поручилъ мѣстному инспектору имѣть постоянное наблюденіе за выставкой анатомическихъ препаратовъ въ отдѣльномъ кабинетѣ названнаго музея, чтобы не было одновременнаго впуска въ отдѣленіе мужчинъ и дамъ, воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Другой разъ Грессеръ поручилъ инспектору просмотрѣть надписи на вѣнкахъ, которые предполагалось нести предъ гробомъ Тургенева, и выразилъ неудовольствіе, что инспекторъ допустилъ несеніе какихъ-то такихъ вѣнковъ, надписи на которыхъ не понравились одному государственному мужу.

Дѣлая замѣчаніе, Грессеръ сказалъ:

— Нѣтъ, какъ вы, такъ и цензурный комитетъ, не помогаете администраціи, а лишь вредите ей своими мудрствованіями. Нужно будетъ подать мысль, чтобы это демонстративное хожденіе съ вѣнками было запрещено закономъ.

Мысль, высказанная генераломъ Грессеромъ, скоро получила санкцію, и ношеніе вѣнковъ во время похоронъ было воспрещено.

И. Карамышевъ.

Клярансъ.
Швейцарія.

¹) Генералъ Чебыкинъ, производя ревизію типографіи Куколь-Яснопольскаго, вздумалъ перевѣсить шрифтъ, для чего распорядился ссыпать весь шрифтъ въ мѣшки. Типографъ принесъ жалобу въ сенатъ, который присудилъ взыскать съ г. Чебыкина 5000 р. Вскорѣ Чебыкинъ былъ назначенъ губернаторомъ въ одну изъ губерній Сибири.

На берегахъ Вислы.

(Отъ спеціально командированнаго сотрудника „Биржевыхъ Вѣдомостей").

V.

Бесѣда съ г. А. Свентоховскимъ.

Въ лицѣ г. Свентоховскаго, основателя журнала „Prawda", счастливо совмѣстился рядъ исключительныхъ дарованій. Широко образованный (докторъ философіи), г. Свентоховскій владѣетъ боевымъ перомъ передового публициста. Художественный талантъ его, какъ драматурга, бытописателя и автора поэтическо-философскихъ фантазій, извѣстенъ русской публикѣ по ряду переводовъ, напечатанныхъ въ лучшихъ нашихъ журналахъ. Разносторонняя писательская дѣятельность не мѣшаетъ ему откликаться на самые насущные запросы общественной и экономической жизни польскаго народа.

Г. Свентоховскаго считаютъ лидеромъ одной изъ прогрессивныхъ партій. Понятіе это, впрочемъ, слишкомъ узко для опредѣленія столь яркой индивидуальности. Кругозоръ его не исчерпывается какою бы то ни было программою.

— Я охотно воспользуюсь возможностью подѣлиться съ русскимъ общественнымъ мнѣніемъ своими воззрѣніями на современный фазисъ польско-русскихъ отношеній, — сказалъ мнѣ г. Свентоховскій, въ отвѣтъ на мое предложеніе высказаться по этому вопросу.— Мнѣ кажется, что нынѣшній переломъ въ Россіи характеризуется, главнымъ образомъ, истощеніемъ вѣры въ силу внѣшняго принужденія и наростаніемъ увѣренности въ могущество внутренней необходимости. Если я въ этомъ не ошибаюсь, то для интеллигентной части русскаго общества скоро станетъ совершенно понятнымъ,—выражаясь образно,— политическій языкъ поляковъ. Языкъ этотъ, соотвѣтственно направленію различныхъ группъ, развѣтвляется на нѣсколько нарѣчій, но въ сущности своей остается неизмѣннымъ. Это—языкъ девяти милліоновъ народа, который на живущую въ предѣлахъ Россіи часть свою воздѣйствуетъ всею своею двадцатимилліонной массой и десятью вѣками культуры. Наиболѣе жизнеспособная, наиболѣе воспріимчивая къ воздѣйствію поступательныхъ силъ, выработанныхъ историческимъ прошлымъ, именно эта наибольшая часть польскаго народа обречена на существованіе въ условіяхъ, которымъ уже не подлежитъ въ настоящее время ни одна, даже наименѣе цивилизованная народность Европы. Нѣчто подобное получилось бы, если бы геометрическому тѣлу, возникшему въ трехъ измѣреніяхъ, предписали бы продолжать свое существованіе въ видѣ линіи. Вслѣдствіе неестественности положенія, вслѣдствіе чудовищной разницы между насущными, неустранимыми потребностями нашего народа и произвольными предписаніями, которыми его связывали извнѣ, отношенія польскихъ илотовъ и русскихъ спартанцевъ погрязли въ столь глубокой тинѣ обоюдной неправды, что теперь всякое искреннее слово поражаетъ своею неожиданностью, самое обоснованное домогательство кажется призывомъ къ возмущенію, требующимъ карающаго противодѣйствія. Едва-ли мы сколько-нибудь погрѣшимъ противъ дѣйствительности, если признаемъ, что за послѣднее столѣтіе, и, въ особенности, за послѣднее сорокалѣтіе всѣ официальныя сношенія между польскимъ обществомъ и представителями русской власти, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, были лишены малѣйшаго признака чистосердечности. Благонамѣренно-угодливые и благосклонно-предупредительные монологи и діалоги затемняли истину, вводили въ самообманъ и заблужденіе. Возможно-ли послѣ этого расчитывать полякамъ на довѣріе, если бы теперь они заговорили съ полною откровенностью, хотя бы ограничивая свои пожеланія тѣсными предѣлами элементарнѣйшихъ нуждъ стремящагося къ культурности народа? Представьте себѣ, что Зевсъ не только приковалъ Прометея къ скалѣ, не только повелѣлъ коршуну терзать его печень, но и запретилъ ему громко стонать и жаловаться на судьбу, отнявъ у него даже пользованіе своимъ языкомъ. Представьте себѣ, что скованный титанъ, кромѣ того, обреченъ выносить поруганіе и насмѣшки, глумленіе и издѣвательство фурій? Какой отвѣтъ далъ бы злополучный Прометей, если бы его спросили, чего онъ желаетъ отъ Зевса? — Всего, въ чемъ нуждается, если не титанъ, то хотя бы обыкновенный смертный. Между тѣмъ, такъ называемыя „уступки", частью осуществленныя, главнѣйшимъ же образомъ предлагаемыя въ видѣ проектовъ, несмотря на свою показную заманчивость, производятъ на меня впечатлѣніе галстуха и куска англійскаго пластыря, которые великодушно предложены обнаженному, голодному и больному бѣдняку. Галстухъ и англійскій пластырь, сами по себѣ, предметы, конечно, полезные, но они не могутъ замѣнить пищи, одежды и лѣченія...

Бюрократическая машина производила непрочные продукты и тогда, когда винты ея еще не расшатались; это не мѣшало руководителямъ ея вѣрить въ ихъ прочность. Въ настоящее время такая вѣра пошла на убыль, а непрочность возросла. Зачастую кажется, что тотъ или иной починъ расчитанъ на весьма длительное время, а между тѣмъ, въ дѣйствительности черезъ сутки отъ него не остается и воспоминанія. Что же дѣлать въ столь перемѣнчивомъ положеніи народу, лишенному всего, для него необходимаго? Неужели долженъ онъ домогаться мелкихъ улучшеній, которыя дадутъ ему ничтожное облегченіе или принесутъ несущественную пользу? Конечно, и такія улучшенія не лишены для него нѣкотораго значенія, но онъ никогда не согласится съ преувеличенною ихъ оцѣнкой, сознавая, что основныя условія существованія попрежнему вопіютъ о коренномъ переустройствѣ. Духовно и въ общественномъ отношеніи развитой народъ не можетъ примириться съ необходимостью подавить въ себѣ культурныя стремленія, вернуться къ первобытному состоянію безправія, изъ котораго онъ уже вышелъ. При тѣхъ условіяхъ, которыя установлены для поляковъ, живущихъ подъ управленіемъ русской бюрократіи, никакой культурный народъ не могъ бы существовать, не изыскавъ способовъ уклониться отъ мертвящихъ нормъ внѣшняго правопорядка. И, дѣйствительно, жизнь поляковъ распредѣлилась по двумъ этажамъ: надъ землей они изнываютъ отъ подавляющаго ихъ бюрократическаго гнета, подъ землей—перевязываютъ свои раны и спасаются въ критическія минуты. Тамъ учимся мы, мыслимъ и чувствуемъ по-польски, укрѣпляемъ всѣ первоосновы нашей самобытной культуры, неустанно работая надъ ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ,—но вся эта дѣятельность сосредоточена въ семьяхъ, въ частныхъ кружкахъ и собраніяхъ, въ тѣхъ, вообще, интимныхъ сферахъ жизни, которыя въ другихъ странахъ являются поприщемъ исключительно личныхъ и частныхъ интересовъ; польскія общественныя стремленія укрываются въ нихъ лишь поневолѣ, — чтобы оградить себя отъ враждебнаго имъ сторонняго вмѣшательства. Принявъ во вниманіе

Разрушенный минный транспортъ „Амуръ“ въ портъ-артурскомъ докѣ.
(Снято 21-го декабря).
Снимокъ съ фотографіи священника І. Д., снятой въ Портъ-Артурѣ передъ сдачей и доставленной редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

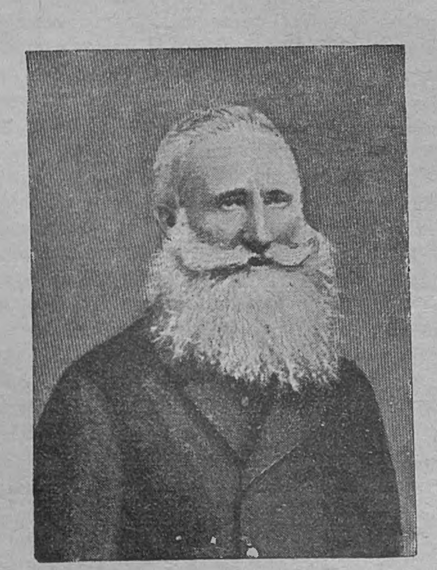

Полковой адъютантъ 16-го сибирскаго полка
А. Ф. Терскій,
погибшій послѣднимъ на посту № 3.

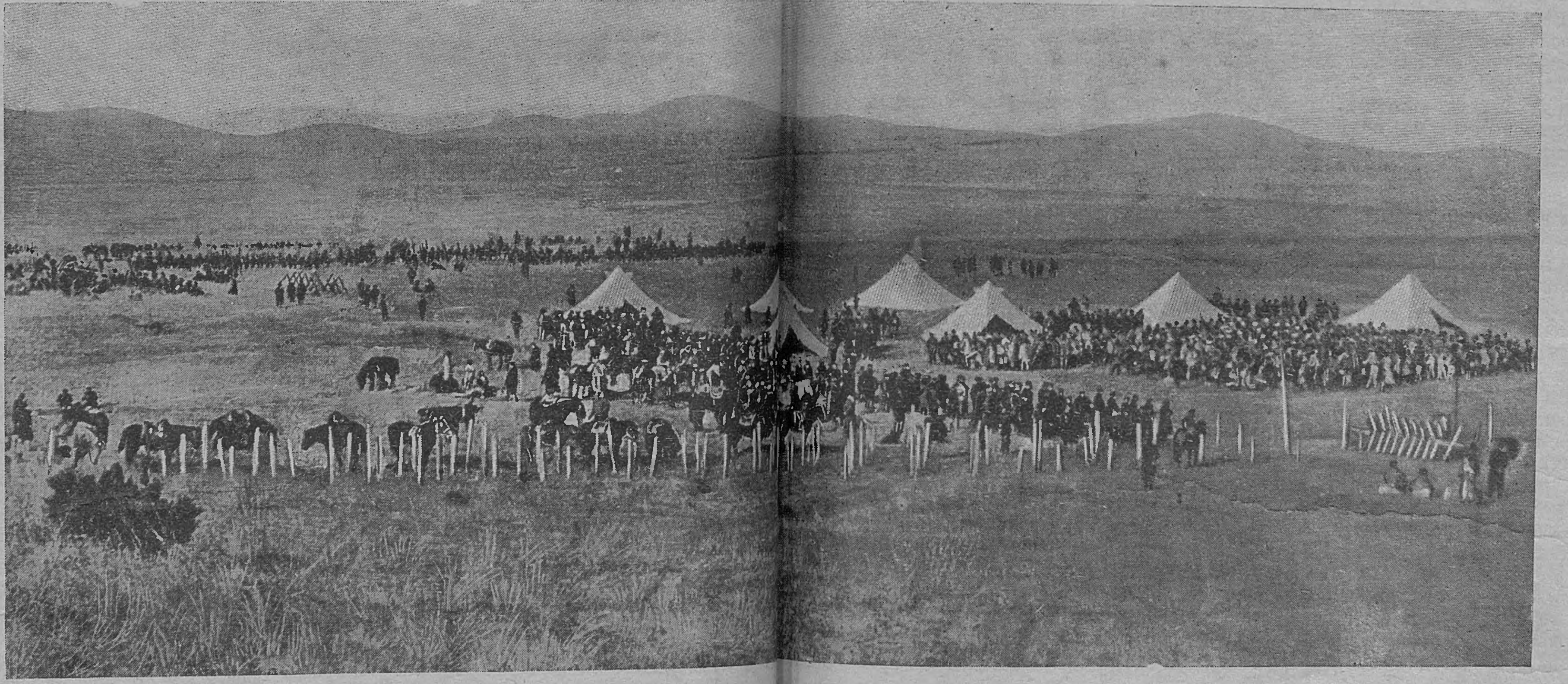
непрерывность этой культурной работы, нетрудно понять, сколь ничтожное значеніе могутъ имѣть мелкія „льготы“ и „уступки“, чрезмѣрно раздуваемыя бюрократической рекламой.

Польскій вопросъ въ предѣлахъ Россіи сводится къ выработкѣ условій, при которыхъ подземная культурная дѣятельность могла бы проявиться открыто, обезпечивъ свободное развитіе всѣмъ началамъ, существующимъ и вліяющимъ подъ прикрытіемъ. Кто и когда выполнитъ эту задачу? Въ политическихъ вопросахъ я придаю слишкомъ ничтожное значеніе вліянію просьбъ, ходатайствъ и теоретическихъ доказательствъ; наоборотъ, чрезвычайную силу, въ моихъ глазахъ, пріобрѣтаютъ доводы практической дѣйствительности. Никакія заискивающія оды, начинающіяся, обыкновенно, словами: „имѣемъ честь покорнѣйше просить“, никакія логическія аргументаціи не разрѣшатъ ни одной основной задачи. Разрѣшить ихъ можетъ только сама жизнь, дѣйствующая по закону неотвратимой неизбѣжности. Вопросъ о польско-русскихъ отношеніяхъ будетъ, поэтому, исчерпывающимъ образомъ разрѣшенъ лишь послѣ того, какъ руководящія сферы вполнѣ отчетливо уяснятъ себѣ и по достоинству оцѣнятъ неизбѣжныя требованія, выдвигаемыя могущественнѣйшею изо всѣхъ силъ— силою природы; требованія эти, по существу своему, не могутъ быть устранены никакою системою управленія, какъ бы ни была она искусна. Переживъ цѣлое столѣтіе напряженныхъ и зачастую безпощадныхъ усилій изгладить національныя особенности, польскій народъ въ Россійской Имперіи, тѣмъ не менѣе, остался польскимъ, не выказалъ никакой податливости въ вопросѣ о сліяніи.

Царство Польское было переименовано въ „Привислинскій“, или „Западный Край“, „окраину“ и т. п.; обитающее въ немъ польское населеніе, въ отношеніи политическихъ правъ, было низведено на уровень лишенныхъ цивилизаціи народовъ,—каковъ же, однако, былъ результатъ такихъ усилій? Польскій народъ, обороняясь, лишился большого запаса силъ, которыя могъ бы приложить къ развитію своей культуры,—вотъ и все. Насильственно задерживаемый ходъ этого развитія не прекращался все-таки ни на мгновеніе; направленіе его также не отклонилось ни на волосъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, температура патріотическаго рвенія поднялась до небывалаго ранѣе градуса. Таковъ неприкрашенный, вполнѣ естественный итогъ столкновенія надуманной политической доктрины съ неотвратимыми требованіями жизни.

Помощникъ намѣстника Кавказа по гражданской части, тайный совѣтникъ
Н. А. Султанъ Крымъ-Гирей.

Портъ-Артуръ въ дни передачи его японцам— Общій видъ японской заставы, черезъ которую проходилъ портъ-артур гарнизонъ.
Съ фотографіи священника І. Д., снятой въ Портъ- и доставленной редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Поручикъ 16-го сибирскаго полка
А. Н. Целларіусъ,
герой Портъ-Артура, единственный оставшійся въ живыхъ изъ защитниковъ укрѣпленія № 3.

Разрушенныя японцами портовыя мастерскія.
Снимокъ съ фотографіи священника І. Д., снятой въ Портъ-Артурѣ передъ сдачей и доставленной редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что признаніе непреложности изложеннаго вывода будетъ признано современемъ Россіей за показатель направленія дальнѣйшей политики въ Царствѣ Польскомъ. Когда именно это произойдетъ, — предсказать трудно. Какъ только будетъ усвоенъ этотъ фактъ, необходимость дать Царству Польскому самоуправленіе, позволяющее ему развить свою народно-культурную жизнь со всею полнотою, станетъ истиной, не требующей доказательствъ. Выработается форма отношеній, при которой изъ взаимнаго соглашенія обѣ стороны извлекутъ наибольшую возможную пользу.

Въ польско-русскихъ отношеніяхъ весь вопросъ сводится къ тому: скоро-ли убѣдится преобладающая сторона въ безрезультатности притѣсненія и обидъ, причиняемыхъ сторонѣ болѣе слабой.

Своеобразность языка, которымъ столь мастерски владѣетъ г. Свентоховскій, отчасти утратилась въ русскомъ переводѣ. Я обратилъ преимущественное вниманіе на точность передачи его мыслей. Каковы бы ни были высказываемыя имъ соображенія, русское общественное мнѣніе, несомнѣнно, оцѣнитъ безусловную искренность и правдивость рѣчи польскаго мыслителя и патріота.

V.

Бесѣда съ г. А. Краусгаромъ.

Далекій отъ политическихъ и соціальныхъ треволненій современности, г. Александръ Краусгаръ всецѣло углубился въ историческое прошлое своей родины.

Обширные историческіе труды, обоснованные на изученіи первоисточниковъ, отвлекли

Подполковникъ 97-го пѣх. лифляндскаго полка,
С. К. Зайдель,
контуженный въ бою у Мукдена.

г. Краусгара отъ участія въ разработкѣ назрѣвшихъ общественныхъ вопросовъ.

Тѣмъ любопытнѣе было для меня его мнѣніе о польско-русскихъ отношеніяхъ: избѣгая тенденціозности въ подборѣ голосовъ польской интеллигенціи, считаю особенно важнымъ всесторонне освѣтить этотъ сложный вопросъ показаніями лицъ, не связанныхъ предвзятыми сужденіями тѣхъ или иныхъ партій.

Г. Краусгаръ остановился въ бесѣдѣ со мною преимущественно на положеніи науки въ Царствѣ Польскомъ.

— Всякое культурное общество,—сказалъ г. Краусгаръ,—обладаетъ и должно обладать учеными учрежденіями для усовершенствованія и разработки самыхъ дорогихъ своихъ сокровищъ: языка, литературы и науки.

Весьма печальнымъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ является здѣшній край, совершенно лишенный такихъ учрежденій съ 1831 года. Единственное академическое учрежденіе, основанное въ 1800 г., — во времена прусскаго притѣсненія—и санкціонированное позднѣйшими привилегіями монарховъ: князя варшавскаго Фридриха-Августа, императоровъ Александра I и Николая I, въ злополучномъ 1831 г. было закрыто, и всѣ денежныя средства, составившіяся посредствомъ пожертвованій всего края, были отобраны.

Такимъ образомъ, съ 1832 года польская наука и литература лишены пріюта, въ которомъ писатели и ученые могли бы собираться и возвращать то, что является наинужнѣйшимъ для умственнаго преуспѣянія народа.

Къ этому обстоятельству необходимо добавить, что варшавскій университетъ не имѣетъ ни одной каѳедры польскаго языка и литературы, доступъ же къ существующимъ такимъ каѳедрамъ загражденъ для польской молодежи. При столь прискорбномъ положеніи вещей, нельзя не признать вполнѣ естественнымъ, что польская наука не можетъ держаться на томъ уровнѣ, на которомъ она стоитъ у сосѣднихъ народовъ.

Беллетристика наша, дѣйствительно, развивается превосходно, но поэты и бытописатели не нуждаются ни въ какомъ поощреніи. Spiritus fiat, ubi vult. Наука, однако, не можетъ обойтись безъ заботливаго попеченія. Она должна располагать собственнымъ пристанищемъ, должна имѣть и средства для своего развитія. Наука движется впередъ соединенными усиліями многихъ. Ученые дѣятели работаютъ, пользуясь накапливающимся опытомъ или другихъ народовъ, или людей, подвизающихся рука объ руку съ ними на томъ же поприщѣ. Эта потребность въ совмѣстномъ трудѣ и побуждаетъ къ основанію какъ общихъ академій наукъ, такъ и спеціальныхъ научныхъ учрежденій, посвященныхъ развитію той или иной отрасли знанія.

Хлопоты жителей здѣшняго края, ходатайствовавшихъ о возстановленіи польскаго научнаго общества, не могли преодолѣть противодѣйствія бюрократіи. Послѣдняя указывала постоянно на опасность объединенія представителей науки, академія которыхъ, будто бы, угрожаетъ выродиться въ разсадникъ вольнодумства. Излишне говорить, насколько неосновательны подобныя опасенія: истинно-научныя общества чуждаются всякой односторонней тенденціозности, по духу же своему—примыкаютъ скорѣе къ элементамъ консервативнымъ.

Русское правительство, въ качествѣ руководителя судебъ славянскаго народа, не можетъ не содѣйствовать самобытному развитію русской науки; не пора-ли ему отказаться и отъ ошибокъ прежней бюрократіи, препятствовавшей родственному польскому народу въ его самостоятельной умственной работѣ?

Первымъ шагомъ на этомъ примирительномъ пути должно бы явиться возвращеніе отобранныхъ въ 1832 году научныхъ богатствъ, вмѣстѣ со зданіемъ, воздвигнутымъ щедротами великаго польскаго патріота при соучастіи всего края. Такого рода возвращеніе по принадлежности оказало бы существенное успокоительное вліяніе на представителей науки и помогло бы ихъ дальнѣйшей просвѣтительной дѣятельности въ Царствѣ Польскомъ.

Въ Царствѣ Польскомъ, прибавимъ мы отъ себя, господствовавшая такъ долго бюрократическая система оказалась, повидимому, несостоятельной и въ этомъ отношеніи. Она не сумѣла заручиться содѣйствіемъ даже самыхъ умѣренныхъ элементовъ; позволительно надѣяться, что всесторонне выяснившееся положеніе вещей въ здѣшнемъ краѣ поможетъ избѣгнуть въ будущемъ повторенія легко устранимыхъ ошибокъ.

К. Льдовъ.

Потомки патріарха Никона.

Старообрядцы до сихъ поръ остаются злѣйшими врагами знаменитаго патріарха Никона, положившаго начало раскола въ православной церкви исправленіемъ церковныхъ книгъ, которое не признало и не приняло большое количество русскихъ людей, продолжавшихъ молиться и вѣровать по старымъ книгамъ и составившихъ, такимъ образомъ, группу старообрядцевъ, впослѣдствіи получившихъ наименованіе раскольниковъ, еретиковъ и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, старообрядцы глубоко интересуются каждымъ штрихомъ, каждой архивной пылинкой, которая могла бы имъ сказать что-либо новое о замѣчательной личности Никона.

Этимъ объясняется то, что одинъ изъ старообрядцевъ, проживающихъ въ Н. Тагилѣ, г. К., посѣщая не такъ давно поволжскихъ старообрядцевъ, наткнулся на любопытный фактъ.

Г. К. открылъ прямыхъ потомковъ патріарха Никона, здравствующихъ и проживающихъ въ Хвалынскѣ, Вольскѣ и Самарѣ и, къ изумленію г. К., придерживающихся старой вѣры.

Изумительнаго въ этомъ рѣшительно ничего нѣтъ, но самая родословная потомковъ патріарха, полученная г. К. въ Хвалынскѣ, любопытна, какъ историческій документъ, который мы здѣсь и воспроизведемъ.

Сынъ Никона (въ мірѣ Никиты), Василій Никитичъ, еще при жизни патріарха примкнулъ къ его врагамъ—старообрядцамъ и убѣжалъ отъ отца въ Ирбитъ, куда стекался тогда весь элементъ, недовольный московскими порядками и новшествами. Въ Ирбитѣ Василій Никитичъ сперва занялся торговлей, а затѣмъ постригся въ монахи, принялъ имя Варлаама, умеръ и погребенъ въ этомъ монастырѣ, ставшемъ впослѣдствіи единовѣрческимъ.

Сынъ его, Дмитрій, перенесъ торговлю отца въ Хвалынскъ, а затѣмъ также принялъ въ Ирбитѣ монашество и подъ именемъ Діонисія схороненъ рядомъ съ отцомъ.

Послѣ Дмитрія остался сынъ Ефремъ и дочь Матрена. Ефремъ получилъ фамилію Вишнякова и былъ въ Хвалынскѣ городскимъ головой во времена Павла I и въ 1822 году также постригся въ Ирбитѣ въ монахи и похороненъ рядомъ съ отцомъ и дѣдомъ подъ именемъ Гермогена. Послѣ него остались два сына Владиміръ и Петръ Ефремовичи Вишняковы. Владиміръ Ефремовичъ былъ въ Хвалынскѣ словеснымъ судьей и оставилъ дочь, бывшую замужемъ за купцомъ, вдову Анастасію Владиміровну Костину. У Петра Ефремовича былъ сынъ Иванъ, и живъ внукъ Анисимъ Ивановичъ Вишняковъ, проживающій и до сихъ поръ въ Самарѣ.

Правнучка Никона, Матрена Дмитріевна, была выдана замужъ въ Малыковку (нынѣшній Вольскъ) за торговца Епифанова. У нея были два сына Тихонъ и Олимпій. Послѣ нихъ остался въ живыхъ сынъ Олимпія Петръ, который не подозрѣваетъ, что онъ приходится праправнукомъ знаменитаго патріарха Никона.

Повторяемъ, что не видимъ ничего изумительнаго въ томъ, что прямые потомки Никона отпали отъ „никоніанцевъ“.

Царевичъ Алексѣй совершенно не сочувствовалъ замысламъ и реформамъ своего отца—Петра Великаго; сынъ Никона, Василій, открыто перешелъ на сторону враговъ новшествъ патріарха—его отца.

Но положительно слѣдовало бы любителямъ русской старины и исторіи провѣрить данныя, добытыя г. К., ибо все, относящееся до великихъ людей и ихъ памяти, цѣнно и интересно.

Прямые потомки патріарха Никона, проживающіе въ полной безызвѣстности въ Самарѣ, Хвалынскѣ и Вольскѣ,—развѣ это не интересно и не заслуживаетъ нѣкотораго освѣщенія?

А. В—скій.

Азіатская гостья.

Въ Россіи—холера... Эта страшная, нежелательная гостья начала проявлять себя въ нашемъ отечествѣ, и съ тревогой спрашиваетъ себя обыватель: распространится-ли она, и если—да, то какъ отъ нея уберечься? Съ этими злободневными вопросами я обратился къ привать-доценту Императорской военно-медицинской академіи, С. И. Златогорову, командированному уже въ Тавризъ въ холерную эпидемію 1904 г. и недавно еще тамъ побывавшему. Я предложилъ вопросъ:

— Можно-ли вылѣчивать отъ холеры?

— Радикальнаго средства нѣтъ. Правда, что проф. Пастеровскаго института въ Парижѣ, И. И. Мечниковъ, въ 1896 г. пробовалъ найти средство, совершенно излѣчивающее отъ холеры (сыворотку), но оно пока еще не оправдало надеждъ. До сихъ поръ существуютъ лишь прививки, предупреждающія холеру. Мы рѣшили пользоваться прививками нѣмецкаго ученаго Колле, давшими хорошіе результаты и никакого вреда для здоровья не приносящими. Онѣ производятся такъ называемой противохолерной „лимфой“, т. е. эмульсіей изъ убитыхъ жаромъ холерныхъ микробовъ. Русскій врачъ Хавкинъ, нынѣ принявшій британское подданство и живущій въ Индіи, первый въ широкомъ масштабѣ и вполнѣ научно экспериментировалъ прививки живыми микробами; результаты получились хорошіе, но на практикѣ удобнѣе пользоваться убитыми разводками. Лимфа, о которой идетъ рѣчь, прививается подъ кожу руки или спины и, конечно, со всѣми асептическими предосторожностями. Въ бытность мою въ Персіи я предлагалъ эту прививку троекратно съ промежутками отъ пяти до 12 дней каждому изъ желающихъ застраховаться отъ холеры, причемъ въ третій разъ она производилась живой или убитой разводкой холерныхъ вибріоновъ. Чтобы дать вамъ понять, какъ необходима привычка, могу указать на слѣ-

дующія данныя, полученныя изъ моихъ личныхъ наблюденій въ Персіи: среди привитой части населенія случаи заболѣванія выразились въ цифрѣ 2,1%, а смертельный исходъ въ цифрѣ 0,29%, тогда какъ въ непривитой части онѣ достигли въ первомъ случаѣ 9,7%, а во второмъ 6,9%. Какъ видите, разница огромная. Изъ этихъ цифръ мы видимъ, что прививки уменьшили смертность въ 4 раза, а заболѣваніе почти въ пять разъ, а это—вещь важная... Подумайте сами, какъ безжалостно коситъ холера людей: въ Россіи съ 1892 по 1896 годъ отъ нея погибло до 400,000 человѣкъ, въ Тавризѣ умерло въ теченіе трехъ мѣсяцевъ до 20,000 обывателей. Вѣдь это цифры, съ которыми считаться надо, а такъ какъ страшный недугъ не за горами, то слѣдуетъ обезпокоиться о предупрежденіи его. Среди такихъ предупредительныхъ мѣръ—на прививки должно обратить серьезное вниманіе, но заняться нужно ими осторожно и съ толкомъ, дабы не дискредитировать ихъ. Надо вамъ сказать, что если сдѣлать прививку субъекту, одержимому мнимой холерой, то она вызываетъ у него небольшое недомоганіе, появляются рвота и поносъ, и тогда, конечно, темные люди обвиняютъ не себя, а тѣхъ докторовъ, которые имъ прививку дѣлали, за то, что они „холеру напустили", а если, отъ чего Боже сохрани, прививка будетъ сдѣлана уже въ зачаточномъ или даже предвѣстниковомъ періодѣ холеры, и такой больной умретъ, то, конечно, значеніе свое она въ глазахъ населенія совершенно потеряетъ.

— Но, какъ же поступать въ такомъ случаѣ?

— Въ Персіи мы поставили себѣ за правило прививать во время разгара эпидеміи лишь повторныхъ, которыхъ предупреждали, какія явленія можетъ вызвать прививка сама по себѣ. Если же къ намъ приходилъ обыватель, у котораго была обнаружена въ домѣ холера, то мы ему въ прививкѣ отказывали.

К. Ивинъ.

„Правдивое слово властямъ, обществу и народу".

Подъ такимъ заглавіемъ вышла книга г. Р. Кёллера, стремящаяся раскрыть печальную правду по аптечному вопросу. Книга эта любопытна не для однихъ только фармацевтовъ. Она яркій показатель того, какъ тяжелъ на Руси путь мысли и инициативы, какъ труденъ каждый самостоятельный шагъ.

Ни въ одномъ правовомъ государствѣ не возможенъ фактъ того насилія, которому подвергся авторъ. Этотъ фактъ настолько краснорѣчивъ самъ по себѣ, настолько былъ замолчанъ въ свое время, что невольно становится за русское имя обидно.

У каждаго дѣятеля есть враги. Были они и у г. Кёллера. Московскіе аптекари имѣли причину гнѣваться на Кёллера, понизившаго розничныя цѣны на аптекарскіе товары.

Гнѣвъ аптекарей вполнѣ понятенъ, хотя еще и мало понятенъ гнѣвъ московскаго генералъ-губернатора. Тѣмъ не менѣе, московскій Юпитеръ, въ лицѣ всемогущаго въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ князя Долгорукова,—Юпитеръ мечетъ громъ и молніи.

Однажды онъ предписываетъ полицейскимъ чинамъ, безъ суда, безъ слѣдствія, безъ разговора, опечатать химическую фабрику Р. Кёллера.

Основаніе?

Отвѣтъ готовъ: „на основаніи положенія объ усиленной охранѣ".

Кратко, но вразумительно.

При личномъ свиданіи потерпѣвшаго съ генералъ-губернаторомъ отвѣтъ еще туманнѣе:

— Ничего вамъ сказать не могу, какъ только то, что ваше дѣло производится.

„Дѣло" производится, дѣло на фабрикѣ стало. Въ настоящемъ—„немилость", впереди—разореніе.

Проходятъ дни, недѣли, цѣлый мѣсяцъ. Хлопоты съ одной стороны, молчаніе съ другой.

Снова внезапно появляются полицейскіе чины и накладываютъ печати на магазинъ г. Кёллера.

Основаніе?

— На основаніи положенія объ усиленной охранѣ.

Обезумѣвшій отъ горя владѣлецъ бросается къ вліятельнымъ знакомымъ. Онъ знаетъ силу всемогущей на Руси протекціи. Преосвященный Амвросій ѣдетъ къ генералъ-губернатору.

Князь Долгорукій неумолимъ. Вмѣсто всякихъ объясненій дается совѣтъ не вмѣшиваться въ дѣла свѣтской власти.

Биржевой комитетъ и купеческая управа безсильны чѣмъ-либо помочь. Что они предъ волей московскаго генералъ-диктатора?! Его сіятельство никакихъ резоновъ слушать не желаетъ.

Москва готовится къ коронаціи Императора Александра III. Для принятія мѣръ къ обезпеченію общественнаго порядка командируется жандармскій генералъ Оржевскій. Г. Кёллеръ ищетъ возможности объясненія съ нимъ.

Происходитъ такой разговоръ:

— А почему я долженъ вѣрить вамъ, что вы невиноваты, а не мѣстнымъ властямъ?

Г. Кёллеръ попробовалъ сослаться, что его знаетъ вся Москва, что вся его работа проходила на глазахъ общества.

Генералъ побагровѣлъ; „отступивъ шагъ назадъ, онъ воскликнулъ въ грозно предупреждающемъ тонѣ:

— Общество! Что намъ общество? и затѣмъ началъ говорить о какихъ-то, кажется, сорока тысячахъ штыковъ въ Москвѣ и тому подобное, чего я, прибавляетъ г. Р. Келлеръ, уже не разобралъ".

На троекратные запросы слѣдователя канцелярія московскаго-губернатора отвѣчала, что... на основаніи правилъ объ охранѣ, причина закрытія магазина сообщена быть не можетъ, причемъ въ третій разъ просила „запросами по сему поводу не утруждать, такъ какъ свѣдѣнія о семъ (?) находятся въ дѣлопроизводствѣ отдѣленія по охранѣ общественной безопасности канцеляріи московскаго генералъ-губернатора.

„Охрана общественной безопасности" въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ держала дѣло въ производствѣ и, въ концѣ концовъ, произвела, подобно горѣ, мышь. Но изморъ было вѣрное средство.

Г. Кёллеру пришлось ликвидировать изъ-за дѣла въ синей обложкѣ настоящее дѣло и отправиться искать защиты въ Петербургъ.

Въ Москвѣ нѣсколько струхнули и нарядили двухъ „благонадежныхъ людей", изъ сыскныхъмастеровъ, слѣдить за вояжеромъ. Убѣдясь, что въ Петербургѣ у г. Кёллера имѣлись кое-какія хорошія связи, Москва порѣшила пойти на уступки, хотя и съ задняго крыльца.

Управляющій канцеляріей генералъ-губернатора, г. Мейнъ, предложилъ г. Кёллеру, черезъ жену послѣдняго, „прекратить хлопоты и даже лучше всего(?!) уѣхать изъ Москвы, чтобы обо всемъ происшествіи публика забыла и не говорила".

Слѣды „происшествія" необходимо было замести. Въ награду за оглашеніе предлагалось разрѣшить фиктивно продать торговое дѣло и фабрику кому будетъ угодно потерпѣвшему.

Если же послѣдній проявитъ вольнодумство и упорство до конца бороться за правое дѣло, то давалось предостереженіе: въ самомъ благопріятномъ случаѣ „дѣло протянется столь долго, что тѣмъ временемъ всѣ товары испортятся".

Пришлось покориться на основаніи... усиленной охраны...

Въ данномъ случаѣ насъ интересуетъ не случайный эпизодъ съ г. Кёллеромъ, а то обстоятельство, что этотъ эпизодъ былъ возможенъ со всякимъ.

До крайности характерны соображенія генералъ-губернатора, считавшаго г. Кёллера крамольникомъ по слѣдующимъ мотивированнымъ его камарильей соображеніямъ:

Въ магазинѣ Кёллера продавался такой сильный ядъ, какъ атропинъ (слѣдствіе опровергло это). У Кёллера на складѣ аптекарскихъ товаровъ, ergo, и много ядовъ.

Отсюда выводъ: „крамольники могутъ во всякое время получать изъ склада нужныя имъ количества сильнѣйшихъ ядовъ и воспользоваться ими для отравленія во время коронаціи московскихъ колодцевъ (sic!), чѣмъ можетъ быть вызвано такое же усиленное народное волненіе, какое было во время чумы въ царствованіе Екатерины II".

Черезъ годъ управляющій канцеляріей собственной властью разрѣшилъ торговать г. Кёллеру лишь подъ своею фирмой, нѣсколько позднѣе самъ генералъ-губернаторъ отправилъ потерпѣвшему привѣтственную телеграмму, съ пожеланіемъ „широкаго развитія и преуспѣянія на поприщѣ промышленной и торговой дѣятельности".

Все это было бы очень смѣшно, когда бы не было такъ грустно.

„Широкое развитіе и преуспѣяніе промышленности" безъ гарантіи личности, безъ свободы инициативы и труда, безъ правъ гражданства—только и возможно развѣ въ пожеланіяхъ „привѣтственныхъ" телеграммъ.

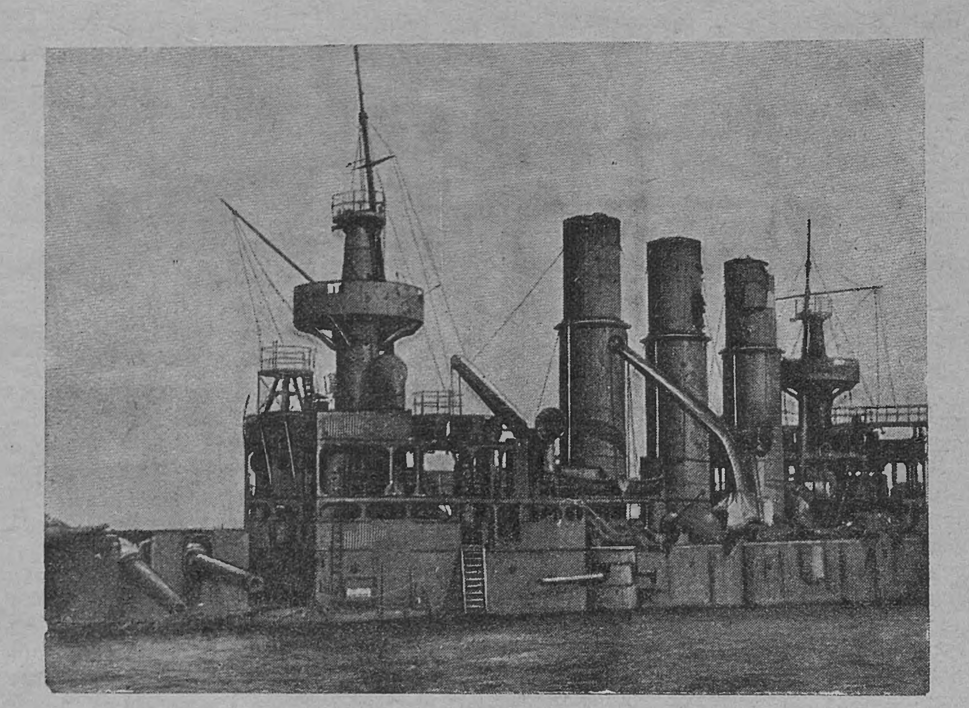
„Доброе" недавнее время, „великая" эпоха восьмидесятыхъ годовъ!

Вл. Новоселовъ.

ЛОНДОНСКІЯ ВЕЛИКОСВѢТСКІЯ КУХАРКИ.

Для дамъ и дѣвицъ изъ „хорошихъ семействъ", впавшихъ въ нужду, „Arachne-Club" учредилъ школу кулинарнаго искусства. Предполагалось, что школа будетъ выпускать настоящихъ поварихъ, отлично оплачиваемыхъ въ Англіи. Но ожиданія эти не сбылись. Изъ 11 первыхъ ученицъ, закончившихъ свое кулинарное образованіе въ школѣ, по отзыву завѣдующей, ни одна не оказалась на высотѣ. „Всѣ онѣ,—жаловалась газетному сотруднику завѣдующая,—пришли уже сюда съ превосходными дипломами и свидѣтельствами кулинарныхъ школъ, и всѣ очень хорошо знакомы съ теоріей кулинарнаго дѣла, такъ что, напримѣръ, многія изъ нихъ способны были написать цѣлый трактатъ о химической сторонѣ процесса варки пищи. Такъ же авторитетны онѣ въ вопросахъ діэтетики. Но когда рѣчь зайдетъ о сносномъ приготовленіи цѣлаго обѣда и своевременной подачѣ его на столъ—всѣ окажутся несостоятельными. Каждая—специалистка по изготовленію одного какого-либо блюда: одна хорошо готовитъ супъ, другая—овощи, сладкое; только никто изъ нихъ не хочетъ понять, что въ хозяйствѣ необходима кухарка, умѣющая во время подать обѣдъ". Англичане утѣшаются тѣмъ, что „это еще придетъ!"

Положеніе броненосца „Ретвизанъ".
(Снято 20-го декабря).

ЛОНДОНСКІЙ МЕТРОПОЛИТЭНЪ.

Лондонская подземная желѣзная дорога перестроена на электрическую. До сихъ поръ круговая поѣздка „подъ Лондономъ" доставляла, пожалуй, сильное ощущеніе, но никакого удовольствія: пассажиры появлялись на свѣтъ Божій словно прокопченными. Теперь паровые локомотивы замѣнены электро-моторами и, соотвѣтственно съ этимъ, измѣнится весь характеръ движенія. Новые вагоны обширны, имѣютъ много воздуха, комфортабельно устроены и ярко освѣщены. Прискорбная катастрофа, вызванная въ Парижѣ пожаромъ одного изъ поѣздовъ подземной электрической дороги, не прошла безслѣдно для лондонцевъ, которые обзавелись буквально несгораемыми поѣздами: вагонъ изъ стали и желѣза, крыша—изъ азбеста, полы изъ цемента, даже буйволовая кожа обивки вагоновъ и ковры обработаны растворомъ, дѣлающимъ ихъ безопасными отъ огня. Моторы находятся въ небольшихъ купэ передняго и задняго вагоновъ, такъ что изъ нихъ возможны контроль надъ токомъ и, въ случаѣ необходимости,—раздѣленіе поѣзда на двѣ части, способныя двигаться самостоятельно. Черезъ весь поѣздъ проходитъ общій корридоръ. Въ каждомъ вагонѣ свободно помѣщаются 50 человѣкъ. Поѣзда состоятъ только изъ вагоновъ двухъ классовъ—1-го и 3-ьяго. Круговой путь уже готовъ и проба движенія произведена. Остается еще устройство внутреннихъ городскихъ станцій и основательная чистка всего туннеля, который будетъ выкрашенъ теперь въ бѣлый цвѣтъ. Паровое движеніе сдѣлало „подземный Лондонъ" похожимъ на внутренность ряда сомкнутыхъ между собою грандіозныхъ фабричныхъ трубъ...

АРТИСТИЧЕСКІЙ ЮБИЛЕЙ БЬЕРНСОНА.

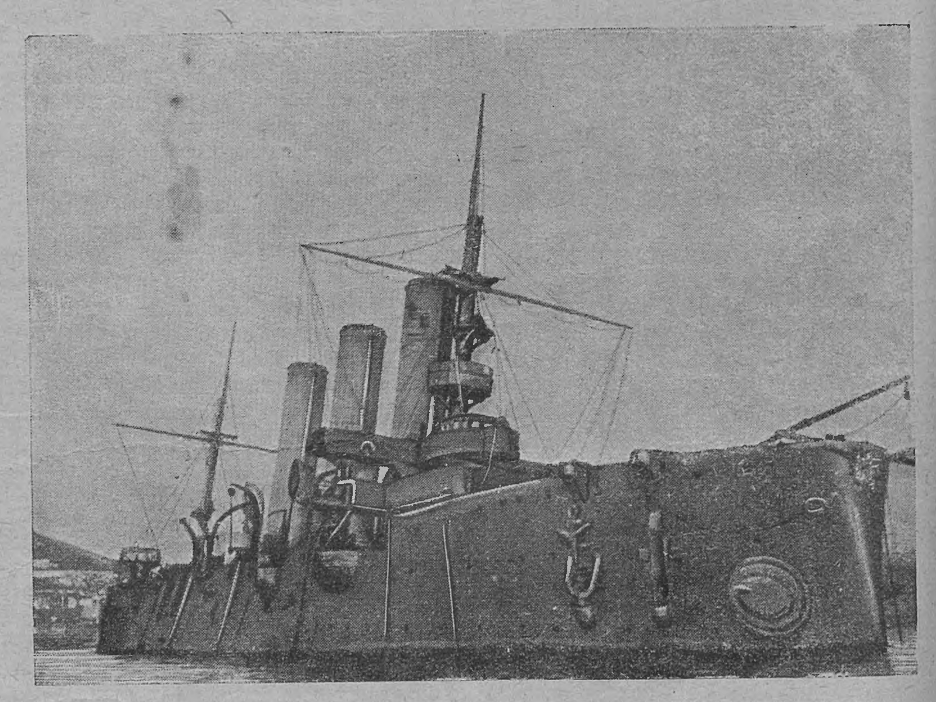
На-дняхъ исполнилось 25-лѣтіе артистической дѣятельности директора драматическаго театра, знаменитаго норвежскаго писателя и драматурга Бьеристьерне-Бьернсона. Не только вся Христіанія,—вся страна праздновала этотъ юбилей, желая выразить свою благодарность основателю національнаго театра. Энтузіазму способствовало еще и совпаденіе празднованія юбилея съ моментомъ, когда Норвегія болѣе чѣмъ когда-либо охвачена національнымъ движеніемъ. Газ ты выпустили спеціально посвященные юбиляру нумера. Въ ресторанахъ повсюду были объявлены „юбилейные обѣды". Утромъ въ день юбилея въ квартирѣ Бьернсона дефилировали десятками депутаціи, говорились рѣчи, подносились лавровые вѣнки и т. д. Во время торжественнаго представленія въ театрѣ оваціи и восторгъ носили самый бурный характеръ, и юбиляръ долженъ былъ дважды обращаться къ публикѣ съ рѣчью, пытаясь указать на преувеличенія въ оцѣнкѣ его артической дѣятельности. Послѣ спектакля въ фойе былъ устроенъ ужинъ, на который, кромѣ артистовъ и служащихъ театра, былъ приглашенъ и весь артистическій и литературный міръ норвежской столицы. Наконецъ, на другой день городскія власти давали парадный обѣдъ въ честь юбиляра.

МѢСЯЦЪ БЕЗЪ СНА.

Въ медицинскихъ кружкахъ Южной Америки съ особеннымъ интересомъ слѣдятъ за испытаніемъ, которому подвергается теперь нѣкій Войцехъ Герпинъ, утверждающій, что онъ можетъ обходиться совсѣмъ безъ сна. Герпинъ десять лѣтъ тому назадъ потерялъ любимую жену, и это на него такъ подѣйствовало, что онъ совсѣмъ лишился сна. За эти 10 лѣтъ Герпинъ, по его словамъ, почти совсѣмъ не спалъ. Въ началѣ онъ крайне похудѣлъ и принялъ невѣроятно изможденный видъ, но впослѣдствіи онъ оправился и сталъ выглядѣть довольно хорошо. Аппетитъ у него прекрасный. Такъ какъ возможность обойтись безъ сна не только годами, но и въ теченіе мѣсяца, категорически отрицается наукой, то американскій милліонеръ Кербинъ организовалъ цѣлую комиссію для безпрерывнаго наблюденія за Герпиномъ. Если его слова оправдаются и онъ въ теченіе 31 дня ни разу не сомкнетъ глазъ, то Герпину обезпечено полученіе положенныхъ въ банкъ на его имя 40.000 долларовъ. Герпинъ совершенно увѣренъ въ томъ, что выдержитъ это испытаніе и охотно ему подвергся. Среди наблюдающихъ за Герпиномъ много врачей и профессоровъ медицинскихъ факультетовъ.

КЪ РЕСТАВРАЦІИ БАШНИ СВ. МАРКА.

При производствѣ работъ по возобновленію не такъ давно обрушившейся башни св. Марка въ Венеціи, оказалось, что и сама церковь грозитъ обваломъ. Цѣлыя отдѣльныя часовни придется разобрать и выстроить заново, по крайней мѣрѣ, необходимо подвести желѣзныя скрѣпленія подъ устоями. Работы производятся подъ руководствомъ извѣстныхъ итальянскихъ архитекторовъ Манфреди и Мариньони.

Положеніе крейсера „Паллада".
(Снято 20-го декабря).
Снимки съ фотографій священника І. Д., снятыхъ въ Портъ-Артурѣ передъ сдачей и доставленныхъ редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей".

За редактора Владиміръ Бонди. Тип. „БИРЖ. ВѢД." (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, соб. д. № 25. Издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣд." С. М. Проппѣръ.